

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305

EDN: TLANSH

Научная статья / Research article

Bellum Parthicum императора Траяна: состязание с призраком Александра?

В.Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария, *Саратов, Российская Федерация*

✉ vparfenov@list.ru

Аннотация. Последняя и самая крупная кампания императора Траяна, его Парфянская война, таит немало загадок для исследователя, что объясняется в первую очередь состоянием источниковой базы. Неясны цель войны, планы сторон, последовательность развернувшихся событий, дальнейшие намерения Траяна после неожиданно легкого захвата Армении и Месопотамии. Цель исследования — ответить на эти вопросы в той степени, в какой это позволяют имеющиеся источники. Критикуется популярное мнение о том, что император, планируя и начиная эту войну, воспользовался планами своих предшественников и намеревался повторить восточный поход Александра Македонского. Доказано, что ближайшей целью войны была аннексия Армении — традиционного «яблока раздора» между Римом и Парфией. Исключительно выгодно сложившаяся из-за войны между претендентами на парфянский трон обстановка позволила Траяну перенести боевые действия после захвата Армении на территорию Месопотамии, захватить парфянскую столицу Ктесифон и выйти на побережье Персидского залива. Считая войну уже выигранной, император не был намерен продолжать сухопутный поход на Восток, так как для этого не было необходимых ресурсов. Вместо этого Траян собирался перенести войну на море и совершить морскую экспедицию в Индию, превзойдя тем самым достижения Александра Македонского. Однако дальнейшее развитие событий заставило его отказаться от этих замыслов.

Ключевые слова: война, *optimus princeps*, Александр Великий, Парфия, Армения, Индия, флот

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 04.04.2025.

Для цитирования: *Парфенов В.Н. Bellum Parthicum императора Траяна: состязание с призраком Александра? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 286–305.* <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305>

© Парфенов В.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Bellum Parthicum of the emperor Trajan: a contest with the ghost of Alexander?

Victor N. Parfyonov

Saratov Orthodox Theological Seminary, *Saratov, Russian Federation*

✉ vparfenov@list.ru

Abstract. The last and largest campaign of Emperor Trajan, his Parthian War, is fraught with many mysteries for the researcher, which is primarily explained by the state of the source base. The purpose of the war, the plans of the parties, the sequence of events that unfolded, and Trajan's further intentions after the unexpectedly easy capture of Armenia and Mesopotamia are unclear. The purpose of this study is to clarify these issues to the extent that the available sources allow. The popular opinion is criticized that the emperor, planning and starting this war, took advantage of the plans of his predecessors and intended to repeat the eastern campaign of Alexander the Great. It is proved that the immediate goal of the war was the annexation of Armenia, the traditional "apple of discord" between Rome and Parthia. However, the exceptionally favorable situation due to the war between the pretenders to the Parthian throne allowed Trajan to transfer the fighting after the capture of Armenia to the territory of Mesopotamia. The last and largest campaign of Emperor Trajan, his Parthian War, is fraught with many mysteries for the researcher, which is primarily explained by the state of the source base. The purpose of the war, the plans of the parties, the sequence of events that unfolded, and Trajan's further intentions after the unexpectedly easy capture of Armenia and Mesopotamia are unclear. The purpose of this study is to clarify these issues to the extent that the available sources allow. The popular opinion is criticized that the emperor, planning and starting this war, took advantage of the plans of his predecessors and intended to repeat the eastern campaign of Alexander the Great. It is proved that the immediate goal of the war was the annexation of Armenia, the traditional "apple of discord" between Rome and Parthia. The situation that developed extremely favorably due to the war between the pretenders to the Parthian throne allowed Trajan to transfer the fighting after the capture of Armenia to the territory of Mesopotamia, capture the Parthian capital Ctesiphon and reach the coast of the Persian Gulf. Considering the war already won, the emperor did not intend to continue the land campaign to the East, as there were no necessary resources for this. Instead, Trajan was going to transfer the war to the sea and make a naval expedition to India, thereby surpassing the achievements of Alexander the Great. However, further developments forced him to abandon these plans.

Keywords: war, optimus princeps, Alexander the Great, Parthia, Armenia, India, the navy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 27.01.2025. Accepted: 04.04.2025.

For citation: Parfyonov VN. Bellum Parthicum of the emperor Trajan: a contest with the ghost of Alexander? *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):286–305. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305>

Введение

Летом 116 г. Марк Ульпий Траян, покорив всю Месопотамию и находясь в эйфории от своих громких военных успехов, будучи первым и последним из римских императоров, кто во главе своих войск достиг Персидского

залива Индийского океана, стоял на его берегу. Увидев вышедшее из порта торговое судно, которое направлялось в Индию, он произнес: «Будь я еще молод, я непременно поплыл бы и к индам» («πάντως ἂν καὶ ἐπὶ τοὺς Ἰνδοὺς, εἰ νέος ἔτι ἦν, ἐπειραιώθην»).

Сообщая об этом, римский сенатор и историк Кассий Дион (в изложении византийского эпитоматора) добавляет, что Траян внимательно изучал всю имевшуюся информацию об Индии (τὰ ἐκεῖνων (sc. Ἰνδῶν) πράγματα ἐπολυπραγμόνει), интересуясь, надо полагать, в первую очередь ее богатством и военным потенциалом, и восхищался в этой связи Александром Македонским.

Далее не без иронии замечается по поводу того, что Траян «прославлял Александра» (τόν τε Ἀλέξανδρον ἐμακάριζε): «Впрочем, он заявлял, что продвинулся дальше него (ἐκεῖνου περαιτέρω προκεχωρηκέναι), так и написав сенату, хотя сам не сумел сохранить и те земли, которые покорил» (Cass. Dio LXVIII. 29. 1)¹.

При посещении Вавилона на обратном пути император был разочарован видом великого города, к тому времени представлявшего собой сплошные «холмы, камни и развалины» (χώματα καὶ λίθους καὶ ἐρείπια)². Но главная цель визита была выполнена: Траян совершил жертвоприношение духу Александра в помещении, где тот умер (ὁ Τραιανός ἐν Βαβυλῶνι <...> διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, ᾧ καὶ ἐνήγισεν ἐν τῷ οἰκῆματι ἐν ᾧ ἐτετελευτήκει) (Cass. Dio LXVIII. 30. 1).

Из очевидного преклонения Траяна перед Александром и столь же явного интереса к Индии порой делаются далеко идущие выводы в отношении планов и целей последней войны «наилучшего принцепса». В частности, Траяну приписывается «желание сравниться со славой Александра и погоня за восточным миражом, унаследованная от Цезаря» [1. С. 218]. Поэтому для начала имеет смысл попытаться выяснить, в чем же заключались планы диктатора как предшественника Траяна в отношении Парфии.

Несбывшаяся мечта Цезаря

Идея о том, что Траян в своей кампании против Парфии следовал плану, который разработал, но не успел осуществить Цезарь, не нова. В частности, она была давно высказана Н.К. Дибвойсом, а в наше время

¹ Здесь и далее Кассий Дион цитируется в переводе А.В. Махлаюка. При необходимости в этот перевод вносятся коррективы.

² Думается, что достаточно многозначный термин *χώματα* означает здесь не курганы, как в вышеуказанном переводе, а именно: холмы над руинами городских кварталов, отдельных крупных зданий и валы на месте прежних плотин и каналов. Курганы, т.е. погребальные сооружения, едва ли могли находиться внутри города.

поддержана И.О. Князьким, который уверен, что «наилучший принцепс» руководствовался планом Цезаря даже в деталях, а целью войны могло быть только полное покорение огромной Парфянской державы [2. С. 195; 3. С. 62, 119, 126].

В данном случае трудно удержаться от соблазна выяснить, в чем же заключались эти детали плана Юлия Цезаря относительно войны против Парфии, тем более что в распоряжении читателей наконец-то есть фундаментальная политическая биография «храбрейшего из императоров и воинов», созданная российским автором. Но в этой книге А.Б. Егоров, скептически оценив состояние источников (и здесь с ним трудно не согласиться), указывает, что о плане кампании Цезаря против парфян трудно сказать что-то определенное. Однако, на одну деталь он все же указывает — что этот поход предусматривал вторжение в Парфию через горные районы Армении. При этом автор ссылается на столь авторитетный источник, как «Римская история» Кассия Диона (XLIV. 3) [4. С. 360–363].

Эта ссылка является неточной: на деле краткое упоминание Кассия Диона о «парфянском проекте» Цезаря в «Римской истории» находится в другой книге и заключается в том, что вслед за проведенной диктатором последней кампанией гражданской войны всех римлян охватило «страстное желание» (ἐπιθυμία) отомстить за гибель Красса и его армии, так что они единодушно проголосовали (ὁμοθυμαδὸν ἐψηφίσαντο) за назначение Цезаря командующим в новой войне и успели до гибели диктатора многое сделать для ее подготовки (Cass. Dio XLIII. 51. 1). Единственное, что можно на основании этого сообщения заключить, относится к формальностям: война Парфии была уже объявлена, причем с соблюдением всех положенных процедур, включая голосование на центуриатных комициях, назначение военачальника и соответствующие религиозные церемонии.

Однако информация о намерении Цезаря двинуться в Парфию через Армению является вполне достоверной, только содержится она не у Кассия Диона, а у Светония, который указывает, что Цезарь, собираясь отправиться на новую войну, намеревался сначала отбросить даков, которые вторглись в Понт и Фракию. Только после этого он должен был начать войну против Парфии, однако действовать с большой осторожностью, не давая спровоцировать себя на генеральное сражение, пока его войска не получат необходимого опыта боевых действий против столь грозного противника: «... *Dacos, qui se in Pontum et Thraciam effuderant, coercere; mox Parthis inferre bellum per Armeniam minorem, nec nisi ante expertos adgredi proelio*» (Suet. Iul. 44. 3). Здесь мы видим вполне конкретную деталь: «пойти войной на парфян через Малую Армению», но этим конкретика и исчерпывается.

Немного к этому добавляет и Аппиан, указывающий, что Цезарь намеревался «отомстить парфянам за вероломство в отношении Красса» (Παρθυαίους δὲ τινύμενος τῆς ἐς Κράσσον παρασπονδῆσεως) (App. BC. II. 110. 459)³.

Казалось бы, исчерпывающую характеристику задуманной Цезарем глобальной кампании дает Плутарх: «Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на саму Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном» (Plut. Caes. 58. 3. Пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова).

Но по этому поводу еще Т. Моммзен справедливо заметил: «... Никакой достоверный авторитет не подтверждает существования этих баснословных проектов. Для государства, подобного Риму при Цезаре, <...> такие завоевания, даже если считать их выполнимыми в военном отношении, были бы не чем иным, как только гораздо более блестящими, но и более печальными ошибками, чем индийский поход Александра» [5. С. 338 сл.].

Кроме того, нельзя не учитывать, что за более чем полтора столетия после гибели Цезаря военно- и этнополитическая ситуация на Ближнем Востоке и вообще в Передней Азии не могла не измениться. Поэтому Траян никак не мог положить в основу своего плана кампании проект Цезаря, тем более что никаких достоверных данных о существовании такого проекта нет. Из слов Светония скорее следует, что конкретные действия по разгрому столь опасного противника диктатор намеревался предпринимать по ходу дела, не допуская поначалу втягивания своих войск в крупномасштабные боевые действия. Иначе говоря, поскольку будущая война против парфян обещала много неприятных сюрпризов, то вместо заранее заготовленного плана Цезарь, рассчитывая на свой многолетний опыт и всем известный талант военачальника, предпочитал обойтись серией импровизаций. Вопрос о том, насколько успешной оказалась бы такая тактика, приходится оставить открытым. Если у него и были какие-то идеи на этот счет, то едва ли он делился ими даже с ближайшим окружением.

³ В отношении Аппиана следует отметить неточность существующего русского перевода (М.С. Альтмана), согласно которому Цезарь собирался мстить «за нарушение мирного договора с Крассом». Из описания Плутарха и Кассия Диона ясно, что никакого договора не существовало: Красс был убит, когда парфяне после разгрома римлян при Каррах объявили о прекращении со своей стороны боевых действий и предложили ему переговоры, на что он был вынужден согласиться по настоятельному требованию своих солдат (Plut. Crass. 30–31; Cass. Dio XL. 26. 1–27. 2).

Восточный мираж

Если вернуться к вопросу о Парфянской войне Траяна, то никакой стратегической необходимости в ней для Рима не было. Сложившийся еще при Августе баланс сил между двумя великими державами с тех пор неоднократно испытывался на прочность. При этом главным объектом римско-парфянского соперничества было Армянское царство (*Armenia Magna*), в силу его географического и, соответственно, стратегического положения. Ко времени Траяна римско-парфянские отношения продолжали регулироваться мирным договором, заключенным в 62 г. при Рандее, в месте недавней капитуляции римских войск, вынужденных после нее покинуть Армению, между парфянским царем Вологезом I и его братом Тиридатом, с одной стороны, и командующим римскими силами на Востоке Гн. Домицием Корбулоном, с другой.

Суть договора заключалась в том, что Рим соглашался признать армянским царем Тиридата, представителя династии Аршакидов, но его кандидатура подлежала обязательному утверждению со стороны Рима. Символом этого было получение каждым новым царем Армении царской диадемы из рук императора. Впервые эта пышная церемония состоялась в столице Римской империи в 66 г.⁴ М.И. Ростовцев отметил по этому поводу: «Решение, хотя и компромиссное, соответствовало жизненно важным интересам парфян. <...> Таким образом, *modus vivendi* был найден и соблюдался до конца династии Флавиев» [6. С. 107].

Это решение обеспечило, с одной стороны, на несколько десятилетий мир на Ближнем Востоке, но с другой — практически монопольное влияние Парфии в Армении, признание со стороны Рима державы Аршакидов ведущей силой в Передней Азии и своим равноправным партнером [7. С. 94]. Едва ли это могло поставить под угрозу положение римских владений на Ближнем Востоке и в Малой Азии, поскольку парфян, в отличие от римлян, вполне устраивало сложившееся положение дел, тогда как последних оно удовлетворяло лишь до тех пор, пока они не имели возможности радикально изменить его в свою пользу. Можно согласиться с Т. Корнеллом в том, что «в смысле политическом Рим не имел проблемы в лице Парфии, но предельно ясно, что Парфия имела проблему в лице Рима» [8. С. 145].

С точки зрения если не всей, то, по крайней мере, достаточно влиятельной части военной элиты Империи, остался неотомщенным позор капитуляции римских войск при Рандее. Фактическая же уступка Армении парфянам ставила как малоазийские провинции, так и Сирию в зависимость от доброй воли главного внешнеполитического партнера — положение, бывшее для Рима непривычным и унижительным [9. С. 132; 10. С. 211, прим. 58].

⁴ Tac. Ann. XV.24–29; Suet. Nero 13; 39. 1; 40. 2; Cass. Dio LXII. 21. 2; 22. 3; LXIII. 1. 2–5. 4.

Флавии, понимая невозможность быстро изменить сложившуюся ситуацию на Ближнем Востоке в свою пользу, на протяжении многих лет выстраивали систему обороны азиатских владений Рима, предпочитая во взаимоотношениях с Парфией дипломатические методы. Впрочем, восточная политика Флавиев, особенно Домициана, нуждается в отдельном исследовании. Еще Н.К. Дибвойс был уверен, что план наступательной войны против Парфии был разработан Домицианом и только его смерть отсрочила выполнение такового, выпавшее на долю Траяна⁵. Однако американский исследователь пришел к такому заключению лишь на основе анализа поэтического творчества Стация. Думается, что многочисленных упоминаний о грядущем разгроме парфян в «Сильвах» для столь ответственного заявления все же недостаточно.

Разумеется, никто не вправе отрицать значение поэтических произведений как исторического источника, но между полетом фантазии придворного поэта и реальным стратегическим планированием будущей войны все же есть некоторая разница. Впрочем, не исключено, что Стаций придал поэтическую форму идее разгрома геополитического противника Рима на Востоке, высказанной Домицианом с целью зондирования общественного мнения. Это было достаточно актуально, так как компромиссный мир 89 г. с дакийским царем Децебалом далеко не всеми был принят с восторгом. В частности, как видно из дальнейшего развития событий, к числу скептиков принадлежал и Траян, хотя при жизни Домициана он, конечно, держал свое мнение при себе.

Справедливости ради, надо отметить: возможность того, что Траян своей кампанией на Востоке осуществлял замысел Домициана, все же существует. Со времени подавления мятежа Антония Сатурнина (начало 89 г.) будущий император входил в число тех лиц, которым последний Флавий полностью доверял. Если согласиться с тем, что Траян в последние годы Домициана относился к ближайшему окружению последнего [12. С. 324 слл.], то нельзя исключить, что идею разгрома Парфии император обсуждал со своими *comites*. К сожалению, в сохранившихся источниках об этом нет ни слова.

⁵ «Although Domitian did not live to carry out this plan, it was not long before Trajan was engaged in a campaign which followed closely along the same lines» [11. С. 215. Ср.: 2. С. 184]. Правда, если судить по русскому изданию монографии Дибвойса, Домициану далее отказано в авторстве плана войны: «Вся кампания Траяна следовала плану, разработанному Цезарем... [2. С. 195]. Думается, что в данном случае имеет место неточность перевода и американский исследователь имел в виду другое, его «Trajan's whole campaign followed the pattern set by Caesar...» [11. С. 231] подразумевает следование не плану Цезаря, которого, как показано выше, скорее всего, просто не существовало, а стилю (pattern) ведения боевых действий, т.е. *celeritas Caesaris*.

Пересмотр внешнеполитической концепции Домициана

Как бы то ни было, но с приходом к власти в Риме Траяна стало очевидно, что наступили новые времена. Будучи с юных лет профессиональным военным (*vir militaris*) и приобретя на этой стезе немалый опыт, он считал накопленный предыдущей династией военный потенциал Римской державы достаточным, чтобы восстановить ее престиж в том виде, в каком он его понимал, т.е. внушить ближним и дальним соседям страх и трепет, а представлявших для Рима непосредственную опасность — уничтожить.

С его точки зрения, главную внешнеполитическую проблему в Европе представляло Дакийское царство Децебала в Нижнем Придунавье, а в Азии — Армения, фактически ставшая наследственным владением парфянской царской династии Аршакидов. Понимая, что силовое решение «армянского вопроса» неизбежно повлечет за собой большую войну с Парфией, Траян, отложив ее на будущее, буквально с первых же месяцев своего principatus занялся военно-технической и дипломатической подготовкой войны против Дакии [13. С. 349–354].

Надо отдать ему должное: своих агрессивных намерений он не скрывал от приближенных изначально. Аммиан Марцеллин, повествуя о персидском походе императора Юлиана, сравнивает его манеру выражаться с поведением Траяна: «Таким же образом, как рассказывают, имел обыкновение подтверждать свои слова Траян: «Верно как то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию», «Как то, что я по мосту перейду Истр и Евфрат» и многое тому подобное» (*Ut Traianus fertur aliquotiens iurando dicta consuesse firmare "Sic in provinciarum speciem redactam videam Daciam; sic pontibus Istrum et Euphratem superem," et similia plurima*) (Amm. Marcell. XXIV. 3. 9. Пер. Ю.А. Кулаковского).

Таким образом, внешнеполитическая программа его principatus была сформулирована сразу же, оставалось ее осуществить. Разумеется, такого рода высказывания император мог позволить себе только в узком кругу самых доверенных лиц, чтобы соответствующая информация не просочилась к противнику раньше времени и была достигнута если не стратегическая, то тактическая внезапность. Представляется, что в обоих случаях, как с Дакией, так и с тандемом Армения — Парфия, Траяну это удалось.

Обстоятельства благоприятствовали его честолюбивым замыслам. В результате двух Дакийских войн Децебал был разгромлен и уничтожен, большая часть коренного населения уничтожена и замещена мигрантами, на остальной границе по Дунаю и Рейну обстановка оставалась спокойной, что, впрочем, являлось заслугой Домициана, а не Траяна [14. С. 56 слл.; 1. С. 168]. Между тем, в Передней Азии сложилась уникальная ситуация, которая, казалось, позволяла Риму раз и навсегда решить «восточный вопрос» в своих интересах.

В Парфии борьба за власть внутри царского дома привела к междоусобной войне, в ходе которой претенденту на трон Хосрою, брату законного царя Пакора II, удалось утвердиться в западных сатрапиях царства Аршакидов. В ходе этой борьбы Хосрой имел неосторожность сместить утвержденного Римом царя Армении Акседара, заменив его Партамасирисом, старшим братом низложенного. Несмотря на столь близкое родство, оба они принадлежали к враждебным политическим группировкам⁶. Поскольку эта рокировка была произведена без санкции Рима, то тем самым императору был предоставлен «отличный *casus belli*» [15. С. 131]. Этого случая Траян не упустил — Армении и Парфии была объявлена война (Cass. Dio LXVIII. 17. 1–2)⁷.

В общих чертах план захвата Армении, несомненно, был разработан еще в Риме, а уточнен в начале 114 г., после прибытия императора в Антиохию, т.е. на последней стадии подготовки войны⁸. Нельзя не признать, что осуществлен этот замысел был блестяще. Это и неудивительно: театр военных действий был прекрасно знаком римлянам, начиная со времени III Митридатовой войны и заканчивая римско-парфянской войной 55–63 гг., их военные топографы свое дело знали, так что логистика самой кампании, явившейся прологом к переносу боевых действий на территорию Месопотамии, была детально разработана и осуществлена без сбоев⁹.

Настоящая работа не ставит своей целью освещение хода военных действий на протяжении всей войны — исследований на эту тему хватает, к сожалению, почти исключительно зарубежных. Представляется более интересным, ограничившись сжатым обзором основных событий, проанализировать достаточно популярную до настоящего времени точку зрения, согласно которой, Траян, преклоняясь перед военным гением Александра Македонского, намеревался идти по его стопам и, как минимум, завоевать всю огромную державу Аршакидов¹⁰.

⁶ Датировка спорна, многие детали этих событий неясны. Ср.: [16. С. 193; 17. С. 238; 18. С. 126 f., 145, прим. 3; 19. С. 197, 200].

⁷ В этой связи нельзя не согласиться с мнением С.М. Перевалова о характере принятия соответствующих решений в Риме: «Решения о начале войны принимались без присущей современным стратегам всесторонней и объективной оценки всей имеющейся информации о противнике, узким кругом лиц в эпоху республики и ближайшим окружением императора — в империи, под влиянием разных причин, среди которых не последнюю роль играли соображения престижа, имиджа государства и т.д.» [20. С. 38].

⁸ По мнению М.И. Ростовцева, политические результаты этой войны должны были состоять в том, что «Армении надлежало стать римской провинцией, защищенной Месопотамией и Адиабеной, занятых римскими гарнизонами, тогда как Парфия управлялась бы римским ставленником, царем-клиентом Рима» [6. С. 108]. Если бы Траян вовремя остановился, его последняя война вполне могла бы закончиться в пользу Рима [21. С. 26 сл.].

⁹ Более подробно: 22. С. 189–202.

¹⁰ [23. С. 91; 24. С. 399; 25. С. 638; 3. С. 119; 26. С. 303; 27. С. 76; 28. 241; 29. С. 81; 1. С. 218; 8. С. 144; 30. С. 151; 31. С. 128]. Критический разбор этого мнения см. у Д. Грэма [32. С. 36 слл.].

Обзор военных действий

Активные военные действия начались весной 114 г. с массированного римского наступления в Армении. Римские войска по нескольким направлениям вторглись в страну и достаточно быстро заняли ее ключевые стратегические пункты, чтобы предотвратить оказание парфянами военной помощи Партамасирису. Армянский царь долго добивался личной встречи с императором, наивно надеясь на благородство римлянина, но, когда она, наконец, состоялась, результатом стало его физическое устранение по приказу Траяна¹¹. Армения немедленно получила статус новой римской провинции, и, судя по имеющимся данным, римляне намеревались обосноваться в ней всерьез и надолго [33. С. 149].

Однако император на этом не остановился. Если, отправляясь на войну, он, возможно, имел наброски нескольких вариантов действий, но все еще не определил своих финальных планов (ограничиться аннексией Великой Армении или пойти дальше) [28. С. 241], то полученная им на месте информация, казалось, оправдывала его самые смелые ожидания. Парфянам было не до Армении, держава Аршакидов была охвачена гражданской войной, кризис в ней углублялся, так что Траян получил полную свободу действий и немедленно этим воспользовался [9. С. 139; 32. С. 38].

Зиму 114/115 гг. император провел в Антиохии, где размещалась его штаб-квартира на протяжении всей войны. В течение весенне-летней кампании 115 г. римские войска заняли Верхнюю Месопотамию, похоже, не встречая серьезного сопротивления. Правда, за это время Траян получил четыре императорские аккламации, но это вовсе не означает, что он дал противнику четыре крупных сражения, как полагает М.А. Шпайдель [31. С. 159]. Дело в том, что значительных воинских контингентов у парфян в Месопотамии тогда просто не было, поскольку борьба претендентов на трон «царя царей» шла в восточной половине державы Аршакидов. Во всяком случае, на первой фазе римской войсковой операции, примерно до 116 г., информация о каком-либо противодействии со стороны парфян отсутствует [9. С. 139].

Апогей военных успехов римлян приходится на кампанию 116 года, когда Траян, заняв Нижнюю Месопотамию, вступил в одну из двух парфянских столиц, Ктесифон, который, судя по всему, был сдан без боя. Хосрой бежал из своей резиденции настолько поспешно, что оставил там собственную дочь и свой трон, попавшие в руки римлян¹². Очевидно, на этом активную фазу войны император считал законченной. Об этом можно судить по его очередной (тринадцатой) императорской аккламации и принятии титула *Parthicus*, вотированного ему сенатом, как и беспрецедентное право отпраздновать

¹¹ Cass. Dio LXVIII. 19. 1–20. 4; Arr. Parth. Fragm. 39–40 Roos II. P. 237; Fronto. Princ. hist. 15 Haines II. P. 212 sqq.; Eutrop. VIII. 3. 1.

¹² Cass. Dio LXVIII. 28. 2; SHA. Hadr. 13. 8; Ant. Pius. 9. 7.

любое угодное ему количество триумфов (νικητήρια ὅσα ἐθέλήσει διεορτάσαι) (Cass. Dio LXVIII. 28. 2–3). В обращение вышла золотая и серебряная монета с легендой PARTHIA CAPTA [34. С. 267. № 324–325].

Поддавшись эйфории от обманчивой легкости одержанных побед и считая дальнейшее сопротивление противника маловероятным, а его моральный дух окончательно сломленным, Траян во главе флота из 50 единиц (νῆας), который до этого принимал активное участие в военных действиях¹³, отправился вниз по Тигру, к Персидскому заливу (Arr. Parth. Fr. 67). На его берегу, крайнем южном рубеже завоеваний Траяна, была воздвигнута статуя императора (Jordan. Rom. 268).

Мечта об Индии

Можно согласиться с тем, что эта экспедиция носила рекогносцировочный характер: император намеревался в неведомой до того для римлян Нижней Месопотамии на месте решить, каким образом использовать плоды достигнутой, как он считал, победы, какие территории включить в состав новой провинции, а какие оставить под контролем «вассальных правителей» [35. С. 127]. И здесь возникает вопрос о дальнейших планах императора: считал ли он возможным удовольствоваться достигнутым или же намеревался продолжить свое соревнование с Александром, которое, по его словам в письме сенату, он уже выиграл?

В современной науке ко второму варианту принято относиться скептически. Указывается, что мечты Траяна об Индии (Cass. Dio LXVIII. 30. 1), если они и имели место, были лишь грезами, «снами наяву», так как он, в отличие от Александра, не выиграл генеральное сражение

¹³ Флот был выстроен зимой 115/116 г. римскими войсками, зимовавшими в Адиабене, а весной, с прибытием императора, спущен на воду. Интересно, что для облегчения переброски в нужное место по суше суда строились с расчетом конструкции на разборку и сборку при необходимости (Cass. Dio LXVIII. 26.1). Дальнейшее применение в боевых действиях: Cass. Dio LXVIII. 26. 2–3; 28. 1–2; Arr. Parth. Fr. 59–63. Поскольку противник флотом не обладал, это, видимо, были почти исключительно транспортные суда, рассчитанные на перевозку живой силы, лошадей, необходимого вооружения, снаряжения, провианта и фуража, а также на устройство с их помощью понтонных мостов. Исключение составляли четыре корабля императорской эскадры, из которых размерами и роскошью отделки выделялся флагманский (Arr. Parth. Fr. 67–68). Как представляется, хотя бы часть флота, сооруженного в Месопотамии, относилась, выражаясь современным языком, к классу «река — море», т.е. спектр его применения мог быть достаточно широким. Напрашивается сравнение со строительством в Индии и использованием своего флота Александром Македонским, чему Арриан, видимо, не случайно уделяет повышенное внимание (Ср.: Diod. XVII. 95. 3–5; 97; 104. 1, 3; 106. 4–7; 107. 1; Arr. Anab. Alex. V. 3. 5; 7. 1–5; 8. 4; 9. 3; 12. 4; VI. 18. 3–5; 19. 1–5; 20. 1–5; 21. 1–3; 28. 5; VII. 5. 6; 7. 1–2; 19. 3–4, 6; 20. 7–10; Curt. Res gestae Alex. Mag. IX. 3. 22; 8. 3–7; 9. 1–26; 10. 1–3; X. 1. 10–19; Plut. Alex. 63. 1; 66. 1–2; 68. 1, 3).

у противника, а парфянское войско полностью сохраняло свою боевую мощь [36. С. 120]. Подчеркивается, что в приписанной императору фразе¹⁴ он, по сути дела, противопоставляет свои завоевания походу Александра, а свой возраст — молодости Александра [32. С. 37]. Констатируется, что нет никаких доказательств того, что император намеревался углубиться в Иранское нагорье по следам македонского завоевателя. Организация подобного похода требовала такой концентрации ресурсов, которая была не под силу даже Траяну, так что он должен был считать подобный план нереалистичным [37. С. 606].

Однако А. Кюнел, специально исследовавшая использование образа Александра в Риме как политического инструмента, справедливо отметила, что Траян относился к великому завоевателю с особенным пиететом. Во время Парфянской войны, судя по источникам, этот образ приобретал для императора все большее значение, так что он мыслил себя преемником Александра и стремился превзойти его достижения [38. С. 193–196, 200 сл.].

Можно согласиться с тем, что Траян в момент своих максимальных успехов считал войну законченной, а Парфию — побежденной. Но вопрос о его дальнейших планах остается открытым. Как бы император ни уверял «отцов-сенаторов» в том, что превзошел достижения Александра, но сам он должен был прекрасно сознавать, что это далеко не так, а продолжение похода армии на Восток попросту невозможно [39. С. 73; 40. С. 16].

Однако в резерве оставался «ход конем», который позволял избежать большинства проблем, характерных для сухопутного театра военных действий, и достигнуть тех земель, которые не сумел покорить даже македонский завоеватель, а именно морская экспедиция в Индию. Торговля с Индией, как своими глазами убедился Траян, шла через Персидский залив бесперебойно, найти толковых моряков и лоцманов проблемой не было, флот был в наличии, оставалось подготовить операционную базу и действовать.

Идея о том, что Траян стремился утвердиться на берегах Персидского залива, чтобы контролировать морскую торговлю с Индией, защитить новую границу, проходившую по Тигру, и даже вести военные действия на побережье Южной Азии, уже высказывалась [41. С. 490, 492; 37. С. 621; 19. С. 224], как, впрочем, и опровергалась [31. С. 161 слл.]. Поэтому необходимо определить, какое подтверждение она находит в источниках, состояние которых в науке единодушно признается неудовлетворительным.

¹⁴ Впрочем, в ее аутентичности П. Пти, в отличие от большинства исследователей, сомневается [1. С. 219].

В первую очередь, приходится сожалеть об утрате такого первоклассного источника, как Παρθικά Флавия Арриана, сочинения о римско-парфянских войнах, из 17 книг которого 10 были посвящены именно последней войне Траяна [42. Стб. 1236; 43. Стб. 29]. Обычно считается, что Арриан был участником этой войны, будучи офицером всаднического ранга [43. Стб. 28; 44. С. 9; 37. С. 591]¹⁵. Для анализируемой проблемы это тем огорчительней, что в утраченных книгах «были описаны не только деяния, но и замыслы Траяна» (οἱ γράψαντες οὐ μόνον τὰ ἔργα Τραϊανοῦ ἀλλὰ καὶ τὰ βουλευόμενα) (Arr. Parth. Fr. 73). К тому же оригинальный текст той части основного для этой проблемы нарративного источника, «Римской истории» Кассия Диона, что посвящена времени Траяна, тоже не сохранился и известен лишь по извлечениям византийского времени. Что же касается авторов поздних, то, как принято считать, в их отношении «историчность некоторых приводимых фактов не может быть проверена» [37. С. 621, прим. 80]. Имеет смысл попытаться выяснить, так ли это.

На закате античной цивилизации, по запросам романизованных варваров из римской верхушки, которые желали слыть образованными, не прилагая к этому особых усилий, создавались многочисленные компендиумы, в т.ч. и по римской истории. Из них сохранились, в частности, сочинения Евтропия и Феста Руфа. По словам современника, толпа «потомков Ромула» в самом Риме стремилась тогда к разного рода развлечениям, в то время как «библиотеки заперты навсегда, как гробницы» (*bybliothecis sepulcrorum ritu in perpetuum clausis*) (Amm. Marcell. XIV. 6. 18). С другой стороны, коль скоро библиотеки старой столицы были под замком (подразумевается, что по причине отсутствия читателей), следовательно, даже там их фонд все еще оставался в сохранности, в т.ч. и сочинения Флавия Арриана, и полный текст «Римской истории» Кассия Диона, и мн.др., имеющее отношение к теме настоящей статьи.

В восточной же половине Римской империи ситуация с интеллектуальной жизнью была иной и, надо полагать, библиотеки в таких культурных центрах, как Константинополь, Афины, Александрия, Антиохия, Пергам и др., функционировали вполне исправно. Евтропий и Фест были крупными чиновниками, которые последовательно занимали при дворе императора Валента одну и ту же должность (*magister memoriae*) [45. Стб. 322; 46. Стб.

¹⁵ Эд. Шварц считал, что Арриан был современником этой войны, но сам в ней не участвовал, а его сочинение написано не на документальном материале, а на основе уже опубликованных работ его предшественников [42. Стб. 1236], но его аргументацию трудно признать убедительной. Во всяком случае, Иоанн Малала подчеркивает, что «мудрейший Арриан <...> исследовал и изложил все точно» (ὁ σοφώτατος Ἀρειανὸς <...> ἱστορήσας καὶ συγγράψαμενος πάντα ἀκριβῶς) (Arr. Parth. Fr. 76).

495], так что с получением всей необходимой для их произведений информации у них явно никаких проблем не было.

В особенности это касается Евтропия, создавшего свой труд по прямому поручению императора (*ex voluntate mansuetudinis tuae*) (Eutrop. *Prolog.*) и уже по этой причине едва ли рискнувшего бы искажать приводимые в своем сочинении факты. Следовательно, сообщаемым им сведениям можно доверять, если отсутствуют убедительные доказательства противоположного свойства. Самостоятельное значение имеет именно «Бревиарий» Евтропия, который почти дословно переписывали и Фест, «и примкнувший к ним» Иордан (*Romana*) — следовательно, высоко ценили.

В те интересные времена (вторая половина IV в.) еще остававшиеся эрудиты, к числу которых, несомненно, относятся Аврелий Виктор и Юлиан Отступник, не обошли своим вниманием эфемерные завоевания Траяна. Аврелий Виктор (Aur. Vict. De Caess. 13. 3) полагал, что *bellicosissimus princeps* напугал на Востоке своей Парфянской войной «все народы между Евфратом и Индом» (*ad ortum solis cunctae gentes, quae inter Indum et Euphratem amnes inclitos sunt, concussae bello*). У Юлиана сам Траян на прямой вопрос бога Гермеса о его достижениях отвечает, что он стремился к тому же самому, что и Александр, но в более разумных пределах (*τῶν αὐτῶν Ἀλεξάνδρῳ σωφρονέστερον*) (Iulian. Caess. 34). Остается определить, чем же император был «благоразумнее» (*σωφρονέστερον*) своего македонского идеала, если его аппетиты простирались от Евфрата до Инда.

По словам Евтропия, Траян продвинулся вплоть до рубежей Индии и Красного моря (под которым подразумевается Персидский залив), создав в Заливе флот, чтобы с его помощью опустошать «страну чудес», объект своих вожделений (*usque ad Indiae fines et mare Rubrum accessit... in mari Rubro classem instituit, ut per eam Indiae fines vastaret*) (Eutrop. VIII. 3. 2).

Сообщение Феста на ту же тему лаконичнее: *Usque ad Indiae fines post Alexandrum accessit. In mari Rubro classem instituit* (Fest. Brev. 20.3).

Иордан, почти дословно повторяя своих предшественников, добавляет новую деталь: *nec non et in mari Rubro classem, unde Indiae fines vastaret, instituit ibique suam statuam dedicavit...* (Iordan. Rom. 268 Mommsen).

Суммируя эту информацию, можно заключить: в памяти потомков должно было остаться, что Траян «вплотную приблизился (*accessit*) к рубежам Индии». Формулировка достаточно расплывчатая и трактовать ее можно как угодно. Очевидно, она должна была заставить вспомнить образ Александра и внушить, что Траян, будучи его *alter ego*, по стопам великого завоевателя дошел до «страны чудес», откуда

в Средиземноморье поступали экзотические товары. И лишь Иордан конкретизирует, каким образом император намеревался оказаться в этой стране: «... и, наверное (несомненно), учредил флот в Красном море, откуда собирался опустошать побережье Индии, и посвятил там боже-ству свою статую».

Можно согласиться с интересным предположением У. Хартмана: Траян намеревался построить военный порт, в котором базировался бы флот, с задачей охраны прибрежной зоны Персидского залива и защиты новой римской границы, проходившей по Тигру. Обозначить место строительства должна была поставленная там статуя Траяна [37. С. 621].

Однако едва ли военный флот, стоявший в этом порту, должен был лишь крейсировать по Тигру и вдоль побережья залива. Траян, если исходить из сообщений Евтропия, Феста и Иордана, явно намеревался подготовить крупную десантную операцию в Индии и, возможно, успел отдать соответствующие приказания. Соревнование с тенью Александра, по мысли императора, должно было продолжиться.

Заключение

Последняя война императора Траяна во многом остается загадочной. С точки зрения баланса сил между двумя великими державами, Римом и Парфией, никакой необходимости в ней не было. Суть дела заключалась в том, что «яблоком раздора» для них со времен Поздней республики оставалась Армения, которая занимала важное стратегическое положение. Риму при Августе удалось добиться преобладающего влияния в этой стране, но в течение последующих десятилетий ситуация постепенно изменялась, пока заключенный после войны 55–63 гг. мирный договор не позволил Аршакидам фактически сделать Армению своим наследственным владением. При этом Рим сохранил за собой право утверждать кандидатуру каждого нового армянского царя, что теоретически позволяло Империи контролировать ситуацию в этом беспокойном регионе.

Такое положение, которое сохранялось в течение нескольких десятилетий, Парфию вполне устраивало. Но в лице Траяна в Римской империи к власти пришли те силы, которые хотели радикально изменить положение на проблемных участках римской границы. Удачный опыт Дакийских войн позволил новому императору перейти к окончательному, как он считал, решению «восточного вопроса». Успешным действиям римских войск способствовала гражданская война между претендентами на парфянский трон, которая позволила Траяну в течение кампаний 114–116 гг. захватить Армению и Месопотамию и учредить на их территории новые провинции. Считая войну против Парфии уже выигранной,

император намеревался создать на берегу Персидского залива военно-морскую базу и совершить морской поход в Индию, превзойдя тем самым в глазах римлян достижения Александра Македонского, образу которого пропаганда Траяна придавала особое значение. Однако дальнейшие события убедительно показали несбыточность этих замыслов.

Список литературы

1. *Petit P.* Histoire générale de l'Empire romain. 1. Le Haut-Empire (27 av. J.-C. — 161 apr. J.-C.). Paris : Éditions du Seuil, 1974.
2. *Дибвойс Н.К.* Политическая история Парфии / пер. с англ., науч. ред. и библиогр. прил.-е В.П. Никонорова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008.
3. *Князький И.О.* Император Траян. СПб. : Алетейя, 2016. EDN: YNMCBR
4. *Егоров А.Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб. : Нестор-История, 2014. EDN: VLJQUH
5. *Моммзен Т.* История Рима. III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб. : Наука; Ювента, 1995.
6. *Rostovtzeff M.* The Sarmatae and Parthians // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1936. Vol. XI. P. 91–130.
7. *Oller Guzmán J.* *Rex armeniis datus?* Nero, Parthia and the 'Armenian Question'. In: Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches / ed. by B. Antela-Bernárdez, J. Vidal. Oxford, 2014. P. 85–98.
8. *Cornell T.* The end of Roman imperial expansion. In: War and Society in the Roman World / ed. by J. Rich, G. Shipley. London; New York, 1993. P. 139–170.
9. *Olbrycht M.J.* Das Arsakiderreich zwischen der mediterranen Welt und Innerasien. Bemerkungen zur politischen Strategie der Arsakiden von Vologases I. bis zum Herrschaftsantritt des Vologases III. (50–147 n. Chr). In: Ancient Iran and the mediterranean World. Studies in Ancient History. Proceedings on an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996 / ed. by E. Dąbrowa. Cracow, 1998. S. 123–159.
10. *Wolski J.* Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen. In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1. Berlin; New York, 1976. P. 195–214.
11. *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1938.
12. *Парфенов В.Н.* Траян и мятеж Антония Сатурнина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328> EDN: HGYZMF
13. *Парфенов В.Н.* Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // Античный мир и археология. 2009. Т. 13. № 13. С. 349–354. EDN: VBHPKP
14. *Филимонов Н.А.* Римская провинция Дакия: административное устройство и управленческий аппарат : дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2023.
15. *Chaumont M.-L.* L'Arménie entre Rome et l'Iran: De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1. Berlin; New York, 1976. P. 130–194.
16. *Bennett J.* Trajanus Optimus Princeps. A Life and Times. London; New York : Routledge, 1997.
17. *Marek Chr.* Rom und der Orient. Reiche. Götter. Könige. München: Beck, 2023. 721 S.
18. *Sheldon R.M.* Rome's Wars in Parthia: blood in the sand. London ; Portland (Or.) : Mitchell, 2010.
19. *Jackson N.* Trajan: Rome's Last Conqueror. Barnsley: Greenhill Books, 2022.

20. *Перевалов С.М.* Имелась ли идеологическая основа для «национально-освободительной» борьбы кавказских народов с Римом? // *Война и сакральность : материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»*. Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога. 1–4 октября 2009 г. М. ; СПб., 2010. С. 37–40.
21. *Longden R.P.* Notes on the Parthian Campaigns of Trajan // *Journal of Roman Studies*. 1931. Vol. 21. P. 1–35.
22. *Парфенов В.Н.* Роль «армянского вопроса» в парфянской авантюре Траяна // *Вестник Литературного института имени А.М. Горького*. 2024. № 2–3. С. 189–202. <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-1189-202> EDN: JJEOMO
23. *Грант М.* Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. — 476 г. н.э. / пер. с англ. М. Гитт. М. : Терра, 1998.
24. *Махлаюк А.В.* Римские войны. Под знаком Марса. М. : Центрполиграф, 2002. EDN: QPOCBV
25. *Смышляев А.Л., Уколова В.И.* Рим: эпоха принципата // *Всемирная история*. Т. 1. Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М. : Наука, 2011. С. 603–639. EDN: RXIVOB
26. *Циркин Ю.Б.* Политическая история Римской империи. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. Т. 1.
27. *Егоров А.Б.* История Древнего Рима. Империя : курс лекций. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 2024.
28. *Longden R.P.* The Wars of Traian // *Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1936. Vol. XI. P. 223–252.
29. *Webster G.* The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D. London : Black, 1969.
30. *Alston R.* Aspects of Roman History, AD 14–117. London; New York : Routledge, 1998.
31. *Speidel M.A.* Traian: Bellicosissimus Princeps. In: M.A. Speidel. Heer und Herrschaft im Römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 2009. S. 121–165.
32. *Graham D.* Trajan's Parthian War // *Classicum*. 2014. Vol. 40. No. 1. P. 35–39.
33. *Speidel M.A.* Provincia Armenia in the Light of the Epigraphic Evidence // *Electrum*. 2021. Vol. 28. P. 135–150.
34. *Mattingly H., Sydenham E.A.* The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian. London : Spink, 1926.
35. *Griffin M.* Nerva to Hadrian // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 2000. Vol. XI. P. 84–131.
36. *Lightfoot C.S.* Trajan's Parthian War and the Fourth-Century Perspective // *Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 115–126.
37. *Hartmann U.* Die Ziele der Orientpolitik Trajans. In: *Interkulturalität in der Alten Welt. Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts* / Hrg. v. R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. S. 591–633.
38. *Kühnen A.* Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende der dritten Jahrhunderts n. Chr. Diss. Duisburg–Essen : Univ.-Verlag, 2005.
39. *Birley A.R.* Hadrian. The restless emperor. London; New York: Routledge, 1997.
40. *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an empire. London; New York: Routledge, 2000.
41. *Seelentag G.* Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart : Steiner, 2004.
42. *Schwartz Ed.* Flavius Arrianus // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. / Hg. v. G. Wissowa u.a. Stuttgart, 1895. Hbd. 3. Sp. 1230–1247.

43. Heucke H. Arrianos von Nikomedeia // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1997. Bd. 2. Sp. 27–30.
44. Нефёдкин А.К. Арриан: жизнь и творчество // Арриан. Тактические трактаты / Перев., комм., вступ. ст. А.К. Нефёдкина. СПб. : Нестор–История, 2010. С. 7–13.
45. Portmann W. Eutropius // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1998. Bd. 4. Sp. 322.
46. Eigler U. Festus Rufus // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1998. Bd. 4. Sp. 495.

References

1. Petit P. *Histoire générale de l'Empire romain. 1. Le Haut-Empire (27 av. J.-C. — 161 apr. J.-C.)*. Paris: Éditions du Seuil; 1974.
2. Debevoise NC. *Politicheskaya istoriya Parfii* [A Political History of Parthia]. Transl., ed. and bibliogr. of VP Nikonorov. Saint Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU publ.; 2008. (In Russ.).
3. Knyaz'kij IO. *Imperator Trajan* [The Emperor Trajan]. Saint Peterburg: Aleteiya publ.; 2016. (In Russ.). EDN: YNMCBR
4. Egorov AB. *Julij Tsezar'. Politicheskaya biografiya* [Julius Caesar. The Political Biography]. Saint Peterburg: Nestor-Istoriya publ.; 2014. (In Russ.). EDN: VLJQUH
5. Mommsen Th. *Istoriya Rima. III. Ot smerti Sully do bitvy pri Tapse* [The History of Rome. III. From the death of Sulla to the Battle of Thapsus]. Saint Peterburg: Nauka publ.; Iuventa publ.; 1995. (In Russ.).
6. Rostovtzeff M. The Sarmatae and Parthians. In: *Cambridge Ancient History*. Cambridge; 1936. Vol. XI, pp. 91–130.
7. Oller Guzmán J. *Rex armenii datus?* Nero, Parthia and the 'Armenian Question'. In: Antela-Bernárdez B, Vidal J, editors. *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford; 2014. P. 85–98.
8. Cornell T. The end of Roman imperial expansion. In: Rich J, Shipley G, editors. *War and Society in the Roman World*. London; New York; 1993. P. 139–170.
9. Olbrycht MJ. Das Arsakiderreich zwischen der mediterranen Welt und Innerasien. Bemerkungen zur politischen Strategie der Arsakiden von Vologases I. bis zum Herrschaftsantritt des Vologases III. (50–147 n. Chr). In: Dąbrowa E, editor. *Ancient Iran and the mediterranean World. Studies in Ancient History*. Proceedings on an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996. Cracow; 1998. P. 123–159.
10. Wolski J. Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1*. Berlin; New York; 1976. P. 195–214.
11. Debevoise NC. *A Political History of Parthia*. Chicago: Univ. of Chicago Press; 1938.
12. Parfyonov VN. Trajan and the Revolt of Antonius Saturninus. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):319–328. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328> EDN: HGYZMF
13. Parfyonov VN. The Bosporan mission of Marcus Ulpius Primus. *Ancient world and archaeology*. 2009;13(13):349–354. (In Russ.). EDN: VBHPKP
14. Filimonov NA. *Rimskaya provintsia Dakiya: administrativnoe ustroistvo i upravlencheskii apparat* [The Roman province of Dacia: administrative structure and apparatus]. Diss. Yaroslavl'; 2023. (In Russ.).
15. Chaumont ML. L'Arménie entre Rome et l'Iran: De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1*. Berlin; New York; 1976. P. 130–194.
16. Bennett J. *Trajanus Optimus Princeps. A Life and Times*. London; New York: Routledge; 1997.

17. Marek Chr. *Rom und der Orient. Reiche. Götter. Könige*. München: Beck; 2023.
18. Sheldon RM. *Rome's Wars in Parthia: blood in the sand*. London; Portland (Or.): Mitchell; 2010.
19. Jackson N. *Trajan: Rome's Last Conqueror*. Barnsley: Greenhill Books; 2022.
20. Perevalov SM. Was there an ideological basis for the “national liberation” struggle of the Caucasian peoples against Rome?. In: *Voina I sakral'nost'. Materialy Chetvertykh mezhdunarodnykh chtenii "Mir I voina: kul'turnye konteksty sozial'noi agressii"*. Saint Peterburg – Vyborg – Staraya Ladoga. 1–4.10.2009. Moscow; Saint Peterburg; 2010. P. 37–40. (In Russ.).
21. Longden RP. Notes on the Parthian Campaigns of Trajan. *Journal of Roman Studies*. 1931;(21):1–35.
22. Parfyonov VN. The role of the “Armenian question” in Trajan’s Parthian adventure. *Vestnik of Gorky Literary Institute*. 2024;(2–3):189–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-1189-202> EDN: JJEOMO
23. Grant M. *Rimskie imperatory. Biograficheskie spravochniki pravitelei Rimskoi imperii 31 g. do n.e. — 476 g. n.e.* [The Roman emperors. Biographical directory of the rulers of the Roman Empire 31 BC — 476 AD]. Transl. from Engl. by Gitt M. Moscow: Terra, 1998. (In Russ.).
24. Makhlaiuk AV. *Rimskie voyny. Pod znakom Marsa* [The Roman Wars. Under the sign of Mars]. Moscow: Tsentrpoligraf publ.; 2002. (In Russ.). EDN: QPOCBV
25. Smyshlyaev AL, Ukolova VI. Rim: epokha prinzipata [Rome: the Age of the Principate]. In: Golovina VA, Ukolova VI, editors. *Vsemirnaya istoriya. T. I. Drevnii mir*. Moscow: Nauka publ., 2011; p. 603–639. (In Russ.). EDN: RXIVOB
26. Tsirkin YB. *Politicheskaya istoriya Rimskoi imperii* [The Political History of the Roman Empire]. Saint Peterburg: RPGU im. A.I. Gerzena; 2018. Vol. 1. (In Russ.).
27. Egorov AB. *Istoriya Drevnego Rima. Imperiya : kurs lektsii*. [The History of Ancient Rome. Empire]: Saint Peterburg: Izd-vo SPbDA publ.; 2024. (In Russ.).
28. Longden RP. The Wars of Traian. In: *Cambridge Ancient History*. Cambridge; 1936. Vol. XI, pp. 223–252.
29. Webster G. *The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D.* London: Black; 1969.
30. Alston R. *Aspects of Roman History, AD 14–117*. London; New York: Routledge; 1998.
31. Speidel MA. Traian: Bellicosissimus Princeps. In: Speidel MA. *Heer und Herrschaft im Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart; 2009, S. 121–165.
32. Graham D. Trajan’s Parthian War. *Classicum*. 2014;40(1):35–39.
33. Speidel MA. Provincia Armenia in the Light of the Epigraphic Evidence. *Electrum*. 2021;(28):135–150.
34. Mattingly H, Sydenham EA. *The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian*. London: Spink; 1926.
35. Griffin M. Nerva to Hadrian. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge; 2000. Vol. XI, pp. 84–131.
36. Lightfoot CS. Trajan’s Parthian war and the fourth-century perspective. *Journal of Roman Studies*. 1990;(80):115–126.
37. Hartmann U. Die Ziele der Orientpolitik Trajans. In: Rollinger R, editors. *Interkulturalität in der Alten Welt. Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts*. Wiesbaden; 2010, S. 591–633.
38. Kühnen A. *Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende der dritten Jahrhunderts n. Chr.* Diss. Duisburg–Essen: Univ.-Verlag, 2005.
39. Birley AR. *Hadrian. The restless emperor*. London; New York: Routledge; 1997.
40. Ball W. *Rome in the East. The transformation of an empire*. London; New York: Routledge; 2000.

41. Seelentag G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart: Steiner; 2004.
42. Schwartz Ed. Flavius Arrianus. In: Wissowa G, editor. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1895;(3). S. 1230–1247.
43. Heucke H. Arrianos von Nikomedeia. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar, 1997;(2):27–30.
44. Nefyodkin A.K. Arrian: zhisn' i tvorchestvo [Arrian: life and work]. In: *Arrian. Takticheskie traktaty*. Translation, commentary, introductory article by A.K. Nefyodkina. Saint Peterburg: Nestor–Istoriya publ.; 2010. P. 7–13. (In Russ.).
45. Portmann W. Eutropius. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar; 1998;(4):322.
46. Eigler U. Festus Rufus. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar; 1998;(4):495.

Информация об авторе:

Парфенов Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории, Саратовская православная духовная семинария, Российская Федерация, 410028, Саратов, ул. им. И.В. Мичурина, д. 92, e-mail: vparfenov@list.ru ORCID: 0000-0003-3612-0197. SPIN-код: 5162-6287.

Information about the author:

Victor N. Parfyonov — doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of Church History, Saratov Orthodox Theological Seminary, 92 Michurina st, Saratov, 410028, Russian Federation, e-mail: vparfenov@list.ru ORCID: 0000-0003-3612-0197. SPIN-code: 5162-6287.